

Я НИКОГДА НЕ БУДУ ПРЕЖНЕЙ

— КНИГА 4 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Александрова

Я никогда не буду прежней. Книга 4

<https://litres.ru/74076528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она вернулась из Анталии другой. Внутри неё всё ещё плещется море, его запах, его руки, его голос: «Я люблю тебя». Но он улетел в Китай, и телефон молчит.

Она больше не хочет ждать. Она хочет понять его мир — самолёты, переговоры, командировки. Она меняет работу, улетает в Астану и становится той, кого он бы не узнал. Сильной. Собранной. Свободной.

А он прилетает. Выходит из такси и видит её — новую, незнакомую, всё ещё его.

Три дня. Три дня, чтобы вспомнить, как дышать. Три дня, чтобы понять, что они не могут жить друг без друга. Три дня, чтобы снова потерять голову — в парке, у фонтанов, в номере, где она впервые берёт его, не спрашивая разрешения.

Это история о том, как страсть становится выбором. О том, как любовь не умирает в разлуке, а ждёт, когда ты будешь готова её принять. И о том, что иногда, чтобы быть вместе, нужно сначала научиться быть собой.

Астана — город, где она перестала ждать и начала идти.

Содержание

Глава 1. Возвращение из Анталии. Расставание с Сергеем.	5
Глава 2. Неделя после Анталии	12
Глава 3. Завтра я лечу в Астану	23
Глава 4. День перелета	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Александрова

Я никогда не буду прежней. Книга 4

Глава 1. Возвращение из Анталии. Расставание с Сергеем.

Я проснулась в своей постели.

Солнце уже давно встало, и его лучи пробивались сквозь неплотно задернутые шторы. Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как тело постепенно привыкает к знакомой кровати, к знакомому запаху комнаты, к тишине, в которой нет шума моря и крика чаек. Но внутри меня всё ещё плескалась Анталья — её волны, её солнце, её ночи.

Я взяла телефон. Проверила. Нет сообщений. Он, наверное, ещё в самолёте или только прилетел. Я написала ему: «Я дома. Скучаю». Сообщение ушло, но ответа не было. Я знала, что он ответит, когда сможет. Я знала, что теперь он будет отвечать. Но эта маленькая секундная задержка всё равно кольнула где-то в груди.

Я отложила телефон, села. Позвонила на работу.

— Алло, — сказала я, когда трубку взяла секретарь. —

Это Катя. Передайте, что я выхожу сегодня. С мамой всё хорошо, помощь больше не нужна, я готова работать 24/7, чтобы отработать все свои пропуски.

— Хорошо, Катя, — ответила она. — Приходи, мы тебя ждали.

Я положила трубку и вздохнула. Надо было возвращаться в реальность.

Мама уже была на кухне, когда я вышла из комнаты. Она сидела за столом, пила чай, но я видела, как её взгляд скользнул по мне. Она ничего не спросила. Она только улыбнулась.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала она. — Отдохнула?

Я улыбнулась в ответ.

— Отдохнула, мам.

— Молодец, — сказала она. — Садись, я заварю тебе чай.

Мы пили чай молча. Она не спрашивала, я не рассказывала. Мы обе знали, что я была не в командировке. И обе знали, что говорить об этом пока не время. Но её молчание было добрым. Она ждала. И я была благодарна ей за это.

Я оделась, вышла из дома, поехала на работу.

Когда я вошла в офис, на меня посмотрели. Сначала мельком, потом дольше, потом с любопытством. Я видела, как коллеги переглядываются, как их взгляды скользят по моему загару, по новому кулону на шее, по моей улыбке, которую я не могла скрыть.

— Катя! — сказала Оксана, моя коллега. — А мы уж думали, ты с мамой насовсем переехала. Выглядишь как...

— Как что? — спросила я.

— Как будто побывала в раю.

Я улыбнулась, но ничего не ответила.

Работа шла своим чередом. Отчёты, графики, совещания. Я автоматически отвечала на вопросы, но мысли были далеко.

Я смотрела на монитор, но видела море. Я слышала голоса коллег, но слышала его смех. Я чувствовала тяжесть в теле — ту самую, от которой хочется лечь и не вставать. Я хотела только одного — чтобы вечер наступил быстрее. Чтобы я могла остаться одна. Чтобы я могла снова перелистывать фотографии. Чтобы я могла чувствовать его руку на своей талии, его дыхание на своей шее, его голос, который шептал: «Я люблю тебя».

Но я знала, что должна сделать ещё кое-что.

Вечером, в оговоренное время, я сидела у окна в небольшом кафе, которое мы иногда посещали с Сергеем. За окном мелькали прохожие, машины, солнечные зайчики, отражающиеся от витрин. Я заказала кофе, но не пила. Смотрела в чашку, и в этом тёмном зеркале я видела его лицо, его глаза, его грустную улыбку.

Через несколько минут он вошёл. Я увидела его ещё до того, как он заметил меня. Он выглядел так, как я его запомнила — тёплый, открытый, добрый. Но сегодня в его глазах была какая-то тревога.

Он подошёл, положил на стол букет белых роз. Я смотрела

на цветы и чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет, — ответила я.

Он сел напротив. Я не поднимала глаз. Я смотрела на цветы, на чашку, на свои пальцы, которые сжимали край стола.

— Катя, — сказал он. — Я знаю, что ты была не в командировке. Я знаю, что была с ним. Я понял это, когда ты позвонила. Твой голос, твоя улыбка — ты никогда так не улыбалась. Я слышал это по голосу.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня. В его взгляде не было злости. Не было обвинения. Только грусть.

— Я узнал, что ты не с мамой, — продолжил он. — Я, конечно, же не знал, где ты, но я позвонил твоим коллегам. Они сказали, что ты ухаживаешь за мамой. Они не знали правды. Они просто ответили на мой вопрос. Но я понял. Я всё понял.

Я молчала. Слезы душили меня.

— Сергей, — начала я.

— Не надо, — сказал он. — Я знаю, что ты хочешь сказать. Я пытался, Катя. Я пытался сделать так, чтобы ты забыла его. Но у меня не получилось. Я не виню тебя. Я виню себя.

— Что?

— Я виню себя за то, что не смог дать тебе того, что нужно. Что я был просто заменой. Что я не смог заставить тебя полюбить меня так, как ты любишь его.

— Сергей, — прошептала я. — Не надо винить себя. Ты

был... ты был хорошим. Ты был самым лучшим. Но я не могу...

— Скажи мне, — сказал он. — Через сколько он приедет в следующий раз? Месяц? Два? Три? Полгода? Что с тобой будет в это время? Ты будешь ждать? Снова страдать? Снова плакать?

Я молчала. Я не знала, что сказать.

— Катя, я люблю тебя, — сказал он. — Я готов ждать. Я готов простить. Я готов быть с тобой, даже если ты думаешь о нём. Я готов ждать, пока ты его забудешь.

Я посмотрела на него. В его глазах была надежда. Я увидела в них себя, виноватую и испуганную.

— Сергей, — сказала я. — Я не смогу его забыть. Каждый раз, когда я буду видеть его, я буду выбирать его. Каждый раз, когда у меня будет выбор между тобой и ним, я выберу его. И это нечестно по отношению к тебе.

— А это честно? — спросил он. — Он уезжает, и ты остаёшься одна, в ожидании. Он выбирает Китай, а ты выбираешь его. Это честно по отношению к тебе?

Я молчала. Слёзы катились по моим щекам.

— Он не даёт тебе ни точки, ни запятой, — продолжил он. — Он уезжает, и ты живёшь в подвешенном состоянии. Если он пропадёт на полгода, ты будешь ждать. Ты будешь одна. Ты будешь страдать. Он этого не понимает? Или ему всё равно?

— Сергей, я не могу, — сказала я. — Я не могу его оста-

вить. Я не могу жить без него. Я не смогу полюбить никого, кроме него.

— Это потому, что у тебя нет точки, — сказал он. — Ты не поставила точку в этих отношениях. Ты живёшь ожиданием. Поставь её, Катя. Если через месяц он не объявится — поставь точку сама. Перестань ждать. Живи своей жизнью.

Я смотрела на него. Я знала, что он прав. Я знала, что это правильно. Но я не могла.

— Я пробовала, — сказала я. — Я ждала его три с половиной месяца. Я поставила точку — секс с тобой. Я думала, что это моя точка. Но как только он появился, я забыла о ней, об этой точке. Я кинулась в его объятия. Я не могу, Сергей. Я не могу поставить точку, потому что, если он позвонит, я снова побегу к нему. Прости. Я не могу тебя так мучить.

Я встала. Он тоже встал. Его глаза были мокрыми.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, что ты с ним. Я знаю, что ты будешь ждать его. И я знаю, что, когда он приедет, ты снова будешь с ним. И я знаю, что я не могу тебя остановить.

Он взял мою руку, сжал её.

— Ты знаешь, что я хочу тебе сказать?

— Что?

— Что я всё равно буду тебя ждать.

— Не надо, — сказала я. — Не жди.

— Я буду ждать, — сказал он. — Я умею ждать.

Я посмотрела на него, и на мгновение мне стало невыносимо тяжело. Но я знала, что не могу дать ему надежду, кото-

рую не смогу оправдать. Я вырвала руку и выбежала из кафе.

Я бежала, не разбирая дороги. Слезы застилали глаза. Я чувствовала, как сердце бьётся где-то в горле, как грудь сжимается от боли, которая не была чужой.

Я остановилась у скамейки в парке, села, закрыла лицо руками.

Я смотрела на кулон, который висел на моей шее. Он переливался на солнце — менял цвет от зелёного до золотистого. Я вспомнила его голос: «Султанит меняет цвет, как настроение у прекрасной девушки». Я улыбнулась. Я погладила его. Я знала, что он со мной.

Я знала, что меня ждёт. Я знала, что он улетел в Китай. Я знала, что я не знаю, когда он вернётся. И я знала, что буду ждать.

Но я также знала, что где-то там есть Сергей, который ждёт меня. И мне было больно от того, что я не могу дать ему того, чего он хочет.

Я подняла голову, посмотрела на небо. Оно было голубым. Почти таким же, как в тот день.

— Я люблю тебя, — прошептала я. — И я буду ждать.

Я встала, отряхнула платье и пошла домой.

Глава 2. Неделя после Анталии

Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Десять тысяч восемьдесят минут. Я считала их. Каждый. Каждый раз, когда я смотрела на телефон, каждый раз, когда слышала уведомление. Но он молчал. Я не звонила. Не писала. Я ждала. Как в прошлый раз. Но я знала — теперь я жду по-другому. Не с надеждой, которая превращается в отчаяние. А с верой. Потому что теперь я знаю, что он вернётся. Потому что теперь я знаю, что он любит меня.

Был вечер. Я сидела на кровати, смотрела в окно, за которым зажигались огни города. В руках держала телефон. Он лежал экраном вверх. Я ждала. Я знала, что он напишет. Я знала, что он не пропадёт. Но когда телефон зажёгся, моё сердце всё равно пропустило удар.

«Привет. Я долетел хорошо. Извини, что долго не писал. Мне тебя не хватает».

Я заплакала. Слезы текли по щекам, но я улыбалась. Я перечитывала сообщение снова и снова. «Мне тебя не хватает». Он написал это. Он сам. Он. Мне. Не хватает. Я смотрела на экран, и внутри меня разливалось тепло. Я хотела ответить сразу. Я должна дать ему знать, что я здесь. Но не должна быть навязчивой. Через минуту я ответила.

«Я тоже скучаю. Как ты? Где ты? Как дела?»

Ответ пришёл не сразу, но он был. *«В Китае. Работа.»*

Несколько встреч».

Я смотрела на экран и улыбалась. Я чувствовала, как внутри меня поднимается волна. Я хотела его. Я хотела его голоса, его рук, его запаха. Я хотела его. Я не пользовалась вибратором с того самого момента, как улетела в Анталию с ним. Я не хотела. Я хотела его. Только его. Но сегодня я хотела почувствовать его, услышать его голос, представить, что он рядом.

Я встала с кровати, накинула лёгкое платье и вышла из дома. В секс-шопе было тихо. Продавщица улыбнулась мне. Я прошла вдоль витрин, рассматривая. Я хотела что-то, что напоминало бы его. Что-то, что я могла бы представить.

Я остановилась у витрины с членами на присоске. Один из них был большим, с изгибом, как у него. Я посмотрела на него, на его размер, на его цвет, на его рельеф. Я взяла его в руки. Он был тёплым. Я чувствовала его. Я знала, что должна купить его. Я не хотела брать вибраторы, которые были у меня. Я хотела новый. Я хотела, чтобы он был именно таким. Я заплатила и вышла.

Дома я зашла в свою комнату, поставила его на стол. Сняла платье. Я осталась голой, стоя перед зеркалом во весь рост, которым обычно пользовалась, чтобы смотреть, как сидят на мне платья. Я прикрепила член к зеркалу. Он держался крепко. Я посмотрела на себя, на своё тело, на свой загар, на кулон на шее. На улыбку, которая не сходила с моего лица. Он стоял там, на зеркале. Я смотрела на него и представляла.

Я включила его, и он начал двигаться. Звук механизма был ужасным — он гудел, дребезжал и вибрировал, как старый мотор. Он бесил меня. Он не был похож на его дыхание, на его шепот, на его голос, который я так хотела слышать. Но я не выключила его. Вместо этого я взяла телефон, включила видео, которое мы сняли в Анталии. Еще неделю назад, как прилетела, я соединила все нарезки в один длинный ролик, почти час. Там было всё — и его смех, и его взгляд на меня, когда я плавала, и его шутки, и его руки, и его улыбка. И я. Счастливая. Я включила его, надела наушники, отключившись от звука двигающегося механизма. Я слышала только его голос, его дыхание, его улыбку.

Встав раком перед зеркалом, я взялась за член. Он был прохладным. Я направила его к своему входу, медленно опускаясь на него. Он вошёл. Я чувствовала его внутри. Чувствовала, как он наполняет меня, как он растягивает мои мышцы. Я стояла на коленях, моя спина прогнулась, мои руки опирались на пол. Я двигалась в ритме музыки, в ритме его голоса, в ритме наших воспоминаний.

Но он не находил нужную точку. Я двигалась, пытаюсь найти нужный угол, но он был неподатливым, как будто не чувствовал моих движений. Я закрыла глаза. Я представила, что это Макс. Его руки сжимают мою талию. Его дыхание касается моего уха. Его голос шепчет: «Терпи. Я здесь».

Я почувствовала, как что-то внутри меня дрогнуло. Я представила его руки на моей талии, его тепло, его шепот. Я

почувствовала, как напряжение нарастает. Я двигалась быстрее, представляя, что это он. Что его член — это его. Что его голос — это его шёпот. Я кончила. Судороги прошли по моему телу, и я почувствовала, как мышцы сжимаются, как я выдыхаю. Я упала на колени, чувствуя, как сердце бьётся в такт его голосу.

«Макс, — прошептала я. — Ты даже не знаешь, но даже в Китае ты занимаешься со мной сексом».

Я взяла телефон, написала ему: «Привет. Я скучаю. И хочу к тебе». Отправила. И улыбнулась.

Всё будет хорошо. Я знаю. Я верю. С этим чувством нежности к нему я погрузилась в сон.

Сегодня у меня на сердце было спокойнее.

Впервые за долгое время я проснулась без тяжести в груди. Без того комка, который сжимал горло каждое утро, когда я открывала глаза и вспоминала, что он далеко. Что я не знаю, когда он вернётся. Что я снова одна.

Но сейчас было иначе.

Мы переписывались с ним. Впервые за всё время. Не как раньше — когда я писала, а он молчал. Нет. Теперь всё было по-другому. Он отвечал. Не многословно, не постоянно, но раз в неделю я получала смс. Это было начало.

Я отвечала. Я чувствовала его присутствие. Я знала, что он рядом. Даже за тысячи километров, в Китае, в своём деловом мире, он был со мной. И это делало всё вокруг легче.

Время шло. Я взяла сегодня первый выходной с момен-

та отпуска. Спустя десять дней. Десять дней я работала как одержимая — приходила раньше всех, уходила позже всех, брала дополнительные задания, сидела с отчётами до полуночи. Я наработывала отгулы, потому что знала — когда он вернётся, мне они понадобятся. Я хотела быть готовой. Я хотела иметь возможность взять отпуск, когда он приедет. Я хотела быть свободной. Не ради него. Ради нас.

Утро было прохладным, осенним. За окнами моей комнаты кружились первые жёлтые листья. Они падали с деревьев, плавно, как в замедленной съёмке, и ложились на тротуар, покрывая его золотистым ковром. Я стояла у окна, держа в руках чашку с кофе, и смотрела на этот танец, чувствуя, как осень входит в мою жизнь.

Я надела любимое платье, которое купила ещё до отпуска. Оно было лёгким, с цветочным принтом, и оно напоминало мне о лете. О нём. О наших прогулках по набережной. Я не хотела отпускать лето. Но я знала, что осень приносит с собой что-то новое.

Я встретилась с Юлей, моей коллегой, на чашку кофе. Она ждала меня в маленьком кафе, которое пахло корицей и свежей выпечкой. За окном уже кружились осенние листья, и я чувствовала, как это время года меняет всё вокруг.

Мы редко пересекались в офисе. Я знала её как координатора проектов, но она была частью команды, которая постоянно работала в другом месте. Она редко появлялась в офисе — может быть, два-три дня в месяц, чтобы сдать отчёты

или обсудить новые задачи. Когда она появлялась, она всегда была такой энергичной, такой увлечённой, что я замечала её даже издали. Она рассказывала о своих поездках, показывала фотографии, смеялась. Она всегда казалась живой, свободной, счастливой.

Я заказала капучино. Юля — чай. Мы сидели за столиком у окна, смотрели, как за стеклом кружится листва. Я чувствовала, как солнечный свет играет на её лице, как она улыбается, и я знала — она действительно счастлива.

— Как ты? — спросила я, делая глоток кофе.

— Хорошо, — ответила она. — Я увольняюсь, знаешь? Мне нужен будет другой формат. Сейчас я ищу что-то более спокойное. Что-то, что позволит мне быть дома.

— Почему? — спросила я, хотя уже догадывалась.

— Я узнала, что беременна, — сказала она, касаясь своего живота. — Мне нужно быть дома. У меня не получается постоянно летать. Это слишком сложно для меня сейчас.

Я кивнула. Она улыбнулась, но в её глазах я видела лёгкую грусть. Я знала, что она любила свою работу. Любила летать. Любила новые города. Но она выбирала семью. Это было её решение.

— Я всегда мечтала работать в таком формате, — сказала я. — Чтобы мой офис был разным.

Она засмеялась, и я улыбнулась в ответ.

— Это не для всех, — сказала она. — Но, когда это твоё, это становится частью тебя. Ты уже не представляешь себя

без этого.

— А ты? — спросила я. — Ты уже не представляешь?

— Я представляю, — сказала она. — Но сейчас я выбираю другое. И это тоже правильно.

Она рассказала мне о своей работе. О том, как она выезжает на объекты, как собирает данные, как проводит встречи, как ведёт протоколы. Она говорила, и я слушала, впитывая каждое слово. Её глаза загорались, когда она рассказывала о поездках, о городах, о командировках. Я чувствовала, как внутри меня разгорается интерес. Это было совсем не то, чем я занималась в офисе. Это был настоящий вызов, настоящая жизнь.

Я слушала, и вдруг поняла, что хочу этого. Я хочу не сидеть в офисе, а ездить. Не просто смотреть в монитор, а видеть людей, встречаться с ними. Я хотела попробовать, почувствовать, что это такое. Я хотела приблизиться к его миру. Понять, что он чувствует, когда улетает. Что он видит, когда смотрит в иллюминатор.

— Ты интересуешься этой вакансией? — спросила она, глядя на меня с лёгкой улыбкой. Я видела, как она меняется, как она становится серьёзной. Я кивнула.

— Да, — сказала я. — Мне это интересно.

Юля начала рассказывать более подробно: как часто она летала, куда, где уже была, с какими трудностями сталкивалась. Она говорила о командировках, о перелётах, о работе с документами. Я слушала её и представляла себя на её месте.

Я представляла, как я вхожу в здание аэропорта, как поднимаюсь на борт самолёта, как выхожу в другой город. Я видела себя в роли той, кто решает задачи, кто встречает людей, кто строит новые связи.

После разговора с ней на следующий день я зашла в кабинет к начальнику.

— Я хочу подать заявку на должность координатора проектов, — сказала я.

Он удивился. Я видела, как он приподнял брови. Как его взгляд скользнул по мне, оценивая, взвешивая.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — сказала я.

— Ты знаешь, что это постоянные командировки? Другие города, другие страны.

— Знаю, — сказала я. — Я хочу этого.

Он посмотрел на меня, на моё лицо, на мою уверенность. Он кивнул.

— Хорошо. У тебя есть все компетенции. Мы дадим тебе испытательный срок в месяц. А через неделю — первая командировка. Две недели.

Я кивнула. Я вышла из его кабинета, чувствуя, как внутри меня разливается предвкушение. Я не знала, куда я поеду. Я не знала, что меня ждёт. Но я знала, что я хочу этого. Я хочу чувствовать себя живой. Я хочу быть ближе к его миру.

Дома я рассказала всё маме. Она сидела на кухне, пила чай, слушала меня. Когда я закончила, она улыбнулась. Её

улыбка была тёплой и одобряющей.

— Я рада за тебя, — сказала она. — Ты наконец-то решился двигаться дальше. Это хорошая должность. Зарплата выше, работа престижнее, возможность увидеть мир. Ты справишься.

Она обняла меня, и я почувствовала, как внутри меня разливается тепло. Мама всегда верила в меня. Она всегда знала, что я могу больше. Мне было приятно, что она рада за меня.

— И я тоже рада, что ты решилась, — продолжила она, отодвигая чашку. — Знаешь, после той поездки ты как будто стала другой. У тебя появился какой-то внутренний свет.

Я улыбнулась, но ничего не сказала. Я не рассказывала маме о нём. Не рассказывала о том, что тот самый внутренний свет — это он. Что это его руки, его голос, его любовь. Но она видела. Она чувствовала. И ей этого было достаточно.

Наступала осень, и за окнами уже кружились первые жёлтые листья. Воздух стал прохладнее, и я чувствовала, как лето уходит, уступая место чему-то новому, неизведанному. Я стояла у окна и наблюдала за кружением листьев, чувствуя, как внутри меня всё меняется.

Я оставила лёгкие воздушные платья в шкафу и отправилась в торговый центр. Мне нужны были новые вещи. Тёплые. Деловые. Такие, которые подчёркивали бы мою уверенность, мою силу, мою новую жизнь. Я долго ходила по магазинам, примеряла разные платья, смотрела на себя в зеркало

и выбирала.

Я купила три деловых платья — строгие, по колено, тёмно-синее, бордовое и чёрное. Они сидели на мне идеально, подчёркивали талию, удлиняли ноги. Я смотрела на себя в зеркало и видела не просто девушку, которая сидит в офисе с девяти до шести. Я видела другую себя. Ту, которая готова покорять новые горизонты.

А потом я купила три платья для прогулок — тёплые, шерстяные, из кашемира. Одно было цвета осенней листвы, другое — мягкого серого, третье — тёплого бежевого. Они были такими мягкими на ощупь, и я чувствовала себя уютной и красивой в них. Они тоже были немного выше колена — я не хотела носить длинные юбки. Мне казалось, что они скрывают что-то важное.

Я не хотела больше носить джинсы и брюки. После встречи с Максом они стали моей самой нелюбимой вещью в гардеробе. Как в джинсах можно было заниматься тем, чем мы занимались? Как он мог задира́ть их, снимать их? В платьях это было проще и красивее. Я чувствовала себя в них соблазнительнее, утончённее.

Я купила две пары ботильонов. Чёрные и бежевые, на небольшом каблучке, идеально подходящие к платьям. Раньше у меня были обычные сапоги, которые смотрелись нормально с джинсами. Но с этими платьями они выглядели бы странно. Я представила, как я выхожу на улицу, и мои ботильоны мягко ступают по осенним листьям, как моё платье

колышется на ветру. Я улыбнулась. Образ был завершён.

Кулон с Анталии лежал на моей шее. Он смотрелся идеально со всем, что я надела. Я не снимала его ни на минуту. Даже когда спала. Он стал частью меня, моим талисманом, моим напоминанием о том, что я была там, что я была с ним. Шпилька, привезенная им из Китая – всегда на мне, когда мне нужно собрать деловой образ и подколоть волосы в пучок. Макс всегда со мной в его подарках.

Глава 3. Завтра я лечу в Астану

Я стояла перед зеркалом, держа в руках новое платье, и смотрела на себя. Я была готова. Я не знала, что меня ждёт в той командировке. Я не знала, понравится ли мне эта работа. Но я знала одно — я иду вперёд. Я делаю шаг. Я больше не сижу на месте. Я не жду, когда он вернётся. Я живу своей жизнью. Я чувствую, что он рядом, даже если он далеко. Я чувствую его взгляд, его тепло, его любовь. И я знаю, что, когда он вернётся, я буду готова. Я буду той, кого он оставил, и той, кого он встретит.

Я улыбнулась своему отражению.

Скоро начинается что-то новое.

Утро было хмурым, осенним, таким, когда хочется остаться под одеялом и никуда не выходить. За окном моросил мелкий дождь, и капли стекали по стеклу, оставляя мокрые следы. За ними я видела серое небо, мокрые крыши домов и лужи, в которых отражались фонари. Я подошла к окну, смотрела на эту осеннюю картину и чувствовала, как внутри меня поднимается волна предвкушения.

Сегодня я должна сделать важный шаг. Я взяла телефон и долго держала его в руках. Он был прохладным и гладким, я сжимала его в ладони, чувствуя, как в голове пульсируют слова, которые я хочу написать. Я знала, что должна отправить это сообщение. Должна сказать ему всё.

Я открыла наш чат. Там были наши сообщения — его «Привет. Я долетел хорошо», мои «Скучаю», его «Я тоже» и наши общие воспоминания, которые казались мне тёплыми и живыми. Я смотрела на них, и внутри меня поднималась уверенность.

Я набрала текст. *«Я хочу лучше чувствовать тебя. Лучше понимать тебя. Я сменила работу. Теперь я, как и ты, в командировках. Если ты хотел прилететь ко мне, знай: я две недели в Астане. Лети сразу туда. Я люблю тебя и скучаю. Мой номер будет доступен 24/7».*

Я читала его снова и снова, поправляя слова, чувствуя, как в груди бьётся сердце. Я хотела, чтобы он понял. Чтобы он почувствовал, что я делаю это не просто так. Что я хочу быть с ним.

Я отправила сообщение. Секунду я смотрела на экран, чувствуя, как внутри меня смешиваются тревога и облегчение. Сообщение ушло. Я не знала, когда он его прочитает. Не знала, ответит ли. Но я знала, что я сделала шаг. Я сказала ему правду. Я сказала ему, где я. И я сказала ему, что люблю его.

Я отложила телефон, надела плащ и вышла из дома. Дождь всё ещё моросил, но я не чувствовала холода. Внутри меня было тепло. Я знала, что делаю всё правильно. Осенние листья кружились под ногами, мягко шуршали, и этот звук смешивался с каплями дождя.

Я поехала к Марине. Она была сестрой Макса, и я чув-

ствовала, что могу поделиться с ней тем, что случилось, рассказать ей о том, что я чувствую. Я хотела, чтобы она знала. Хотела поделиться этим.

Она встретила меня на пороге. Её лицо было удивлённым, но она улыбалась.

— Катя, — сказала она, обнимая меня. — Ты выглядишь по-другому. Как будто светишься изнутри.

— Я чувствую себя по-другому, — ответила я. — Всё изменилось за эту неделю.

Она впустила меня. Мы прошли на кухню, где пахло свежим кофе и уютом. Марина налила мне чашку, и я села напротив неё, держа в руках горячий напиток, чувствуя, как его тепло передаётся моим ладоням. Я начала рассказывать всё, что случилось за это время — и слова вырывались из меня сами.

Я рассказала ей о неделе с Максом. О лучшей неделе в моей жизни. О том, как он подарил мне султанит, о том, как он говорил, что любит меня, о том, как я впервые в жизни чувствовала себя по-настоящему счастливой. Я не скрывала ничего. Я была открыта и честна с ней, потому что она была его сестрой. Она знала его лучше всех.

Марина слушала меня, не перебивая. Её лицо было серьёзным, внимательным, но я видела в её глазах удивление и тепло, когда я рассказывала о его взглядах, о его прикосновениях, о его словах.

— Ты правда его любишь? — спросила она, когда я за-

кончила.

— Да, — сказала я, чувствуя, как внутри меня поднимается волна уверенности. — Я люблю его. И я хочу понять его лучше. Поэтому я сменила работу. Я хочу быть ближе к нему.

— Катька, — сказала она, и в её голосе послышалась лёгкая тревога. — Ты за пять лет в фирме не двигалась никуда. Сидела на одном месте, делала одно и то же. А тут решила перескочить через себя. Ты уверена, что тебе это надо? Что это ради него?

— Нет, — сказала я. — Это ради меня самой. Я хочу понять его сильнее. Понять, что он думает, когда отвечает на звонки. Или читает, но не отвечает. Я хочу почувствовать, что он чувствует, когда улетает и когда возвращается. Я хочу быть ближе к нему. Не телом, а душой. Чувствами.

Марина покачала головой. Она подошла к окну, посмотрела на улицу, потом снова повернулась ко мне.

— Я не знаю, что сказать, Катя. Ты изменилась. Ты стала другой. Я вижу, что ты счастлива. Но я боюсь, что ты можешь разочароваться, когда столкнёшься с реальностью.

— Я знаю, что рискую, — сказала я. — Но я хочу попробовать. Я хочу понять, каково это. Я хочу приблизиться к нему.

Она села рядом со мной, взяла мои руки в свои.

— Ты уверена, что готова к этому? К тому, что ты будешь одна в незнакомых городах? К тому, что у тебя не будет при-

вычной жизни?

— Я уверена, — сказала я. — Я хочу этого.

Я достала телефон и включила видео из Анталии. Мы сидели на диване, и я показывала ей кадры: его смех, его улыбку, его взгляд, его руки, которые касались меня. Марина смотрела с удивлением. Её глаза расширились, когда она увидела его улыбку, его взгляд, его руки.

— Я никогда не ожидала такого от него, — сказала она. — Тут у него светятся глаза. Он по-настоящему счастлив был. Я никогда не видела его таким с другими.

— А с тобой? — спросила я.

Она посмотрела на меня, и её глаза стали чуть грустнее.

— Сейчас уже нет, — сказала она. — Когда мы были детьми, да. Но после смерти родителей он закрылся. Он стал другим. Я не видела его таким, как на этом видео.

Она замолчала, и я видела, как в её глазах мелькают воспоминания. Потом она снова посмотрела на меня, и её взгляд стал тёплым.

— Я рада за него, — сказала она. — Я рада, что он встретил тебя. Но я не уверена, что он сможет жить другой жизнью. Без самолёта, без переговоров. Он привык к этому.

— Я не хочу, чтобы он менялся, — сказала я. — Я хочу понять его. Поэтому я поступаю так.

Она посмотрела на меня. Её глаза были серьёзными, но в них светилась надежда.

— Ты сильная, — сказала она. — Ты справишься.

Я улыбнулась. Она обняла меня, и я почувствовала её тепло, её поддержку.

Мы проговорили с ней часа два. Я делилась с ней своими мыслями, своими страхами, своими надеждами. Я рассказывала ей, как изменилась моя жизнь, как я хочу сделать её лучше. Я чувствовала, что она понимает меня, что она на моей стороне.

Когда я выходила из её квартиры, дождь уже перестал. Ветер был свежим, чистым, и я чувствовала, как внутри меня поднимается что-то новое. Я смотрела на небо, которое начинало проясняться.

Я знала, что я на правильном пути. Я знала, что я делаю это ради себя. И я знала, что он, где-то там, чувствует это.

Я иду к тебе, Макс. Я уже рядом, хоть и далеко.

Мне казалось, что этот разговор стал для меня поворотным моментом. Я чувствовала, как внутри меня крепнет уверенность. Я не просто ждала его — я становилась сильнее, чтобы быть с ним.

Когда я вернулась домой, я снова посмотрела на чат с Максом. Сообщение было доставлено, но не прочитано. Я не расстроилась. Я знала, что он увидит его, когда сможет. И я верила, что он поймёт.

Мне казалось, что я сделала важный шаг навстречу нашей общей жизни. Я больше не была просто девушкой, которая ждала. Я была той, кто идёт к нему сама. И это чувство наполняло меня уверенностью.

Я закрыла глаза и представила, как я вхожу в аэропорт, как поднимаюсь на борт самолёта. Я представляла его лицо, его руки, его улыбку. Я представляла, как он говорит мне: «Я горжусь тобой». И я знала, что это произойдёт.

Я ещё раз перечитала сообщение. Оно было отправлено. Шаг сделан.

Я пришла домой и легла спать.

Усталость накрыла меня, как тёплое, тяжёлое одеяло. Я лежала в своей комнате, смотрела в потолок и чувствовала, как тело расслабляется, отпуская напряжение дня. Мысли кружились где-то на грани сна и яви — я думала о нём, о том, что завтра я лечу, о том, что я делаю это ради себя, но рядом с ним. Я чувствовала, как внутри меня поднимается лёгкая тревога, смешанная с волнением, и улыбалась этому чувству.

Я уснула, и мне снился он. Я видела его лицо, его руки, его улыбку. Я слышала его голос. Я чувствовала его тепло. Я проснулась с улыбкой на лице и чувством, что всё будет хорошо.

Глава 4. День перелета

Утро выдалось дождливым. Я проснулась от того, что за окном стучали капли, создавая ровный, успокаивающий ритм. Последние дни каждый день идет дождь, к чему бы это... Капли падали на стекло, стекали по нему, оставляя мокрые следы, и я смотрела на них, чувствуя, как внутри меня разливается спокойствие. Воздух в комнате был прохладным, пахло влагой, дождём и осенью. Я лежала в кровати, укрытая тёплым одеялом, и смотрела на серое небо за окном, чувствуя, как этот день начинает новую главу в моей жизни.

На кухне пахло кофе — мамин, заварной, из пакетика. Я улыбнулась. Как иронично, что моя мама, которая всегда готовила такую вкусную еду, делала кофе из пакетика. Он был сладковатым и не очень ароматным, но я любила его, потому что он был родным. Я вышла на кухню, села за стол, и мама поставила передо мной чашку. Я взяла её в руки, чувствуя, как тепло передаётся моим ладоням, и внутри меня поднимаются воспоминания.

Два стакана апельсинового сока, свежавыжатого, с мякотью. Два стакана свежесваренного кофе — капучино с густой пеной для меня, американо без сахара для него. Я вспомнила, как мы завтракали в отеле в Анталии, как он смотрел на меня, как его глаза светились, а его руки касались моих. Я вспомнила, как он шутил, как мы смеялись, как я чувствовала

ла себя самой счастливой женщиной на свете. Я вспомнила, как я ела йогурт и рыбу одновременно, а он смотрел на меня с лёгким ужасом, но с такой любовью в глазах, что у меня внутри всё переворачивалось.

— Ты снова улыбаешься, — сказала мама, ставя передо мной тарелку с блинчиками.

Я подняла на неё глаза. Она стояла напротив, смотрела на меня с лёгкой улыбкой, и я чувствовала, что она знает, о чём я думаю.

— Я вспоминаю, — сказала я. — Мы завтракали утром, он смотрел на меня, и я чувствовала себя самой счастливой. Мама села напротив, налила себе чай.

— Ты хочешь рассказать мне о нём? — спросила она.

Я помолчала. Я хотела рассказать ей всё. Но не могла. Потому что я не знала, что сказать. Я знала только, что я люблю его, и что я хочу быть с ним.

— Его зовут Макс, — сказала я. — Мы познакомились на дне рождения моей подруги. Он её брат. Мы провели неделю вместе, в Анталии. Это были самые счастливые дни в моей жизни.

— А он? — спросила мама. — Что он чувствует к тебе?

— Он любит меня, — сказала я. — Я знаю это.

Мама улыбнулась, но в её глазах я заметила лёгкую тревогу.

— А ты? — спросила она. — Что ты чувствуешь к нему?

Я подняла на неё глаза. Я знала, что она ждала этого во-

проса. Она хотела услышать, что я чувствую к нему.

— Я люблю его, мама, — сказала я. — Я никогда не любила никого так сильно.

Она помолчала. Её взгляд стал мягче, и я поняла, что она переживает свои собственные воспоминания.

— Я понимаю, — сказала она. — Я тоже была влюблена. Один раз. В молодости.

— Расскажи мне, — попросила я.

Я хотела узнать её историю. Я хотела понять, как она пережила свою любовь.

Она задумалась, и я видела, как её глаза становятся влажными.

— Я встретила его, когда мне было двадцать лет, — начала она. — Он был старше, красивым, галантным. Мы встретились раз в неделю, он целый день был мой. Я была на седьмом небе от счастья. Он говорил, что я единственная, что он любит меня. Но однажды я увидела его в зоопарке с женой и двумя детьми. Он сделал вид, что не узнал меня. Год я плакала в подушку, а потом встретила твоего папу.

— Мама, — сказала я. — А если бы ты встретила его снова?

Она улыбнулась, но в её глазах мелькнула та же искра, которую я видела в своих собственных.

— Когда тебе было три годика, мы гуляли с тобой в парке. Он подошёл ко мне. Тело отозвалось, но сердце было занято уже тобой и твоим папой.

Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри меня разливается тепло и одновременно лёгкая печаль. Я знала, что она понимает меня.

— Моё сердце занято им, — сказала я.

Мама улыбнулась, накрыла мою ладонь своей.

— Любви не прикажешь, — сказала она.

Папа отпросился с работы пораньше, чтобы проводить меня. Я показала им свои новые платья, свой новый деловой чемодан, свои ботильоны. Мама смотрела на меня с гордостью, папа — с лёгкой тревогой.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил он.

— Да, — сказала я. — Я хочу этого. Для себя.

Мы обнялись. Мама плакала. Папа сдерживал слёзы, но я видела, как он сжимает губы.

Я поднималась на эскалаторе, и смотрела, как они остаются внизу, машут мне рукой. Они знали, когда я вернусь. А я не знала, когда вернётся он. Но я знала, что я иду к нему. И это придавало мне сил.

Я села у окна. Взлёт, турбулентность, эконом-класс. Я смотрела вперёд, вспоминая наш полёт. Как мы держались за руки, когда летели первым классом. Как его пальцы переплетались с моими, и я чувствовала его тепло и его уверенность. Как я заходила в туалет, а он следовал за мной.

Я встала и прошла в туалет. Закрыла за собой дверь. Тесно. Не как в первом классе. Здесь едва можно было повернуться. Но это не имело значения.

Я закрыла глаза и представила его. Его лицо. Его руки, которые лежали на моей талии. Его дыхание на моей шее. Его запах. Я слышала его голос, его шёпот, его смех. Я чувствовала его руки, которые сжимали мою талию, его губы, которые целовали мою шею. Я вспомнила, как он входил в меня, как он целовал мои соски, как он шептал: «Терпи».

Я открыла глаза и посмотрела на себя в зеркало. Мои глаза горели. Мой рот был приоткрыт. Мои руки тряслись. Я сняла трусики, задрала платье. Я была уже влажной. Я провела пальцами по себе, собирая сок. Я раздвинула ноги, насколько позволяло пространство, и провела рукой по клитору. Сначала медленно, ощущая, как он пульсирует, как он набухает под моими пальцами. Я закрыла глаза и представила его.

«Макс, — прошептала я. — Я хочу тебя. Я хочу чувствовать тебя во мне. Я хочу, чтобы ты заполнил меня. Я хочу, чтобы ты был здесь, чтобы твои руки сжимали мои бёдра, чтобы твой голос шептал мне на ухо. Я помню, как ты входил в меня, как твой член наполнял меня, как я сжимала тебя изнутри. Я помню каждое движение, каждый твой стон, каждое твоё слово».

Я ускорила движения. Мои пальцы скользили по клитору, по набухшим половым губам. Я ввела пальцы внутрь, нащупала ту точку, которую знал только он. Я нажала на неё, и моё тело выгнулось. Вспомнила, как его язык касался моего клитора, как его губы сжимали мой сосок, как его пальцы

находили внутри меня ту самую точку, от которой я теряла голову.

«Ты любишь, когда я целую твои соски? — шептал его голос в моей голове. — Или, когда я нажимаю на ту точку, где ты кончаешь?»

Я кивнула, сжимая себя, чувствуя, как напряжение нарастает. Я сжимала пальцы, я представляла, как он входил в меня, как он кончал, и я кончала с ним.

«Макс, — прошептала я. — Я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты был здесь. Я хочу чувствовать тебя. Я хочу, чтобы ты сжимал мою талию, и чтобы твой член наполнял меня, чтобы я чувствовала его глубоко внутри себя».

Я ускорила движения. Мои пальцы скользили по клитору, по набухшим половым губам. Я чувствовала, как оргазм нарастает, как он поднимается из глубины, как он захватывает всё моё тело. Я сжала себя, я почувствовала его прикосновение, его тепло, его запах. Я застонала, я выдохнула. Я представила, что он целует меня в губы, что его язык скользит по моим губам, что его руки сжимают мои бёдра. Я представила, как его член входит в меня, как он наполняет меня, как я сжимаю его. Я вспомнила, как он смотрел на меня, когда мы кончали вместе, как его глаза горели, как его руки сжимали мои бёдра, как его дыхание учащалось, а потом он кончал, и я чувствовала его сперму внутри себя.

«Макс, — прошептала я. — Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой. Я хочу чувствовать тебя. Я хочу, чтобы ты был моим.

Только моим. Я хочу быть твоей. Только твоей».

Волна накрыла меня, и я упала на стену, чувствуя, как внутри меня всё сжимается и разжимается, как я вдыхаю воздух полной грудью, чувствуя, как внутри меня разливается тепло. Я кончала долго, волнами, чувствуя, как мои соки стекают по внутренней стороне бёдер. Я стояла, прислонившись к стене, и ждала, когда дыхание успокоится.

«Макс, — прошептала я, глядя на себя в зеркало. — Ты даже не знаешь, но даже в Китае ты занимаешься со мной сексом».

Я оделась, улыбнулась своему отражению. Выйдя из туалета, я снова села на своё место и смотрела в иллюминатор на проплывающие облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.